

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-010-019

ЖЕНИХ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ: СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ИНДИЙСКИХ КНЯЗЕЙ ПОД БРИТАНСКИМ КОНТРОЛЕМ (БХОПАЛ, XIX в.)

© 2026

Е. Ю. Ванина¹

На примере княжества Бхопал статья рассматривает всепроникающий контроль британских колониальных властей над «туземными государствами» и их правящими семьями. Причем, как свидетельствуют исследуемые автором материалы из Национального архива Индии, такой контроль в ряде случаев инициировался самими князьями. Эти материалы демонстрируют, что колониализм, обычно трактуемый как экономическая эксплуатация подвластных территорий и военно-политическое доминирование над ними, имел весьма мощный ментальный аспект, создавая у туземной элиты представление о невозможности решать даже семейные проблемы без одобрения белых сахибов. Поэтому правительница Бхопала Шах-Джахан-бегам не просто направила британскому правительству своеобразный «каталог» возможных женихов для своей дочери и наследницы с подробным обоснованием сделанного выбора, но и, не получив ответа сразу, настойчиво просила вице-короля Индии как можно скорее утвердить избранную кандидатуру и санкционировать бракосочетание. Со своей стороны, вице-король дал свое согласие лишь после командировки в Бхопал особого чиновника с поручением разведать отношение княжеской семьи и самой принцессы к предполагаемому браку, и лишь только получив подтверждение согласия семьи и невесты на брак, одобрил предполагаемого жениха. С британской стороны такая осторожность объяснялась стремлением любой ценой избежать конфликтов внутри княжеских семей, а с бхопальской — намертво вбитой в сознание князей уверенностью в собственной, без участия британского правительства, неспособностью решить даже семейную проблему и страхом разгневать сюзерена неверным решением.

Ключевые слова: Бхопал, Шах-Джахан-бегам, Султан-Джахан-бегам, лорд Нортбрук, колониализм, «туземные государства»

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Жених для принцессы: семейная жизнь индийских князей под британским контролем (Бхопал, XIX в.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 10–19. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-010-019

A FIANCÉ FOR THE PRINCESS: FAMILY LIFE OF INDIAN PRINCES UNDER THE BRITISH CONTROL (BHOPAL, NINETEENTH CENTURY)

Eugenia Yu. Vanina

Bhopal princely state in Central India and its search for a fiancé for the heiress apparent is a case study of the all-pervasive control of the British colonial authorities over the 'native states' and their ruling families.

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

As demonstrated by the materials from the National Archives of India, such control was in more than one case initiated by the princes themselves. Those documents prove demonstrate that colonialism, usually understood as economic exploitation of the subjugated peoples and military-political domination over them, had also a powerful mental aspect, making the local elites feel it impossible to solve even the family problems without the approval of the Sahibs. Therefore, Shah Jahan Begum, the ruler of Bhopal, not just dispatched to the British government a 'catalogue' of the possible matches for her daughter and heiress, with a detailed explanation of the made choice, but, as the request of approval was delayed, persistently asked the Viceroy of India to approve the chosen youth and to sanction the wedding.

From his side, the Viceroy approved of the choice only after sending to Bhopal an officer with a mission to investigate the attitude of the ruling family and the princess herself to the selected fiancé, and only after getting the acceptance of the family and the girl, the match was approved by the Viceroy. From the British side, such caution was explained by the British aspiration to avoid princely family feuds by all means, while from the Bhopali side, it was the confidence, totally ingrained into the minds of the native elites, in their full incapability to solve even a family problem without the British government, as well as fear to anger the suzerain by a wrong choice.

Keywords: Bhopal, Shah Jahan Begum, Sultan Jahan Begum, lord Northbrook, colonialism, princely states

For citation: Vanina E. Yu. A Fiancé for the Princess: Family Life of Indian Princes Under the British Control (Bhopal, Nineteenth Century). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 10–19. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-010-019

Расположенное в Центральной Индии княжество Бхопал отличалось от прочих «туземных государств» — вассалов Британской империи² тем, что там на протяжении века правили 4 поколения женщин-мусульманок: Кудсия-бегам (1819–1837), Сикандар-бегам (1847–1868), Шах-Джахан-бегам (1868–1901) и Султан-Джахан-бегам (1901–1926)³. Из четырех княгинь три были замужем (одна, Шах-Джахан-бегам, даже дважды), но власть принадлежала именно им, а не мужьям, за исключением периода с 1872 по 1885 г., когда Шах-Джахан-бегам уступила власть супругу Сиддику Хасан-хану, который был отстранен от власти британцами за поддержку ваххабизма. Все правительницы Бхопала строго исполняли предписания ислама, но при этом обладали широтой взглядов и открытостью к новым идеям, прежде всего западным. При этом они отличались исключительной лояльностью к британскому сюзерену, за что нередко удостоивались похвал и наград со стороны колониальных властей⁴.

Тема княжеств или «туземных государств» колониальной Индии в последнее время приобрела научную актуальность. Среди различных ее аспектов особый интерес исследователей вызывает вопрос о взаимоотношениях индийских князей с британским сюзереном (см. подробнее: [Ванина, 2024, с. 153–209]). Так называемые субсидиарные договоры, регулировавшие эти взаимоотношения, однозначно закрепляли суверенную власть князей и невмешательство британских властей во внутренние дела княжеств, одновременно провозглашая, что правители «будут действовать в подчиненном сотрудничестве (subordinate cooperation) с британским правительством, признавать его верховенство (supremacy)» [Aitchison, 1893, pp. 297–298]. Что касается непосредственно Бхопала, то подписанный в 1818 г. в Раисене договор между ним и Ост-Индской компанией гарантировал, что «наваб (правитель Бхопала — Е. В.) и его наследники останутся абсолютными правителями

² К концу колониальной эпохи (1947) в Южной Азии таких государств насчитывалось около 600.

³ Указаны даты правления.

⁴ История княжества Бхопал и его правящей династии, политика правителей и их мировоззрение, а также взаимоотношения с колониальными властями были исследованы мной в [Ванина, 2024]. В данной статье я представляю архивные материалы, которые не вошли в книгу.

своей страны, и юрисдикция британского правительства ни в коем случае не будет распространяться на данное княжество» [Там же, с. 298].

Таким образом, за навабом признавалось суверенное право управлять подвластной территорией без британского вмешательства. Однако на самом деле, как свидетельствуют материалы Национального архива Индии, правительство Бхопала было обязано ежегодно направлять колониальным властям полный отчет о своей деятельности. Он включал в себя данные о сельском хозяйстве, урожаях, сборе налогов, строительстве дорог, открытии школ и больниц, прочих проектах, осуществлявшихся за счет казны, положении в армии и полиции княжества, развитии образования и медицинской службы. В отчетах также шла речь об инспекционных объездах территории Бхопала, которые княгини совершали регулярно, на ходу разрешая споры, отвечая на жалобы и просьбы подданных, а также демонстрируя им самих себя во всем царственном блеске. Непременно упоминались и наиболее значимые события в правящей семье: браки, рождения и смерти.

«Обеспечить согласие и санкцию Вашего превосходительства»

Последнее, казалось бы, и вовсе не должно было интересовать британские власти, ведь речь шла о сугубо семейных делах. Однако и эта сфера не ускользала от внимания сахибов, о чем свидетельствует обнаруженная мною в Национальном архиве Индии папка с документами, датированная 1872–1873 гг. и озаглавленная «Выбор Ахмада Али-хана из Джелалабада в качестве супруга для Султан-Джахана-бегама, 1872–1872)» [Selection, 1872]. В 1872 г. правившая Бхопалом Шах-Джахана-бегама озабочилась поисками жениха для своей 14-летней дочери и наследницы Султан-Джахана-бегама. Несмотря на всю широту взглядов и «западничество», снискавшее им у англичан репутацию «прогрессивных», правители Бхопала в своей семье практиковали ранние браки. Впоследствии Султан-Джахана-бегама женила своего 11-летнего сына на 5-летней девочке, в 12 лет ставшей матерью. В данной же папке содержатся документы о поиске жениха для нее самой.

Шах-Джахана-бегама никогда не испытывала к дочери материнской любви и нежности. Даже когда принцесса была ребенком, ее общение с матерью сводилось к обмену сухими, официальными письмами. Единственным искренне любившим ее человеком была бабушка, Сикандар-бегама [Ванина, 2021, с. 392–398]. Архивная папка открывается переводом письма, которое Сикандар-бегама в 1868 г., незадолго до смерти, адресовала полковнику Уиллоуби Осборну, политическому агенту⁵ в Бхопале. В письме сообщалось о том, что княгиня составила список возможных претендентов на руку ее внучки и снабдила его соответствующими комментариями о происхождении потенциального жениха, его семье и чертах характера [Selection, 1872, pp. 2–3].

Далее [Ibid, p. 3] в папку подклеен перевод письма: престарелая Кудсия-бегама, первая из княгинь Бхопала, направила его своей внучке, Шах-Джахана-бегама. Более подробный текст этого письма приведен в биографии Кудсии-бегама, составленной ее правнучкой, той самой наследницей престола, для которой искали жениха [Sultan Jahan, 1918, p. 46]. Письмо относится ко времени, когда вопрос о женихе был решен, и Кудсию-бегама, уже давно под английским нажимом отказавшуюся от власти и уединившуюся в своем поместье, просто поставили в известность о готовящейся свадьбе правнучки. Шах-Джахана-бегама, относившаяся к бабушке с нескрываемой враждебностью, пренебрегла обычаем, требовавшим хотя бы формально посоветоваться со старшей родственницей о важном семейном

⁵ Политический агент — английский чиновник, надзиравший за положением в княжестве и подотчетный агенту генерал-губернатора (AGG), отвечавшему за княжество, расположенные в определенном регионе (в данном случае — Центральной Индии).

события, и Кудсия-бегам в письме, холодно-официальный тон коего плохо скрывал обиду, просто подтвердила получение и пожелала новобрачным счастья⁶.

За этим письмом в папке следует послание Шах-Джахан-бегам полковнику Осборну (октябрь 1872 г.) о том, что «проконсультировавшись с ее высочеством Султан-Джахан-бегам о ее предпочтениях», она избрала ей в женихи «некоего Ахмада Али-хана из афганского племени мирази-кхел⁷, жителя Джалалабада». Этот кандидат, сообщала далее княгиня, был одобрен всеми старшими членами правящей семьи. И далее, «для того, чтобы этот брак получил санкцию генерал-губернатора Индии⁸, я здесь же направляю письмо его превосходительству вице-королю с приложением копии документа (оригинал Вы уже видели) с обоснованием данного выбора, с подписями и печатями ее высочества Султан-Джахан-бегам и членов семьи, подтверждающими их согласие с вышеупомянутым брачным предложением... Я буду крайне признательна, если Вы окажете мне честь и передадите данное письмо его превосходительству вице-королю» [Ibid, pp. 7–8].

Следующий документ — послание Шах-Джахан-бегам вице-королю лорду Нортбруку, датированное 21 октября 1872 г. Вначале княгиня извещает о том, что, поскольку ее наследнице минуло 14 лет, ее брак «является делом чрезвычайной важности, но с сожалением утверждаю, что не смогла найти достойного кандидата. Единственный юноша, который может стать достойным супругом для ее высочества, — тот, кого выбрала моя мать во время поездки в Агру в 1866 г., Ахмад Али-хан, сын покойного Баки Мухаммад-хана из Джалалабада, дистрикт Музаффарнагар... Его с согласия семьи привезли в Бхопал и поселили во дворце, дабы дать ему соответствующее образование, чтобы он смог выполнить свою будущую миссию достойно». Далее следуют сведения о происхождении жениха, в момент написания письма достигшего 16 лет, о его «привлекательной» внешности, принадлежности к «уважаемой семье», о матери, которая «живет вместе с дочерью в Джалалабаде и иногда посещает Бхопал». Юноша «уже освоил Коран и в настоящее время изучает английский и персидский языки». А затем снова: «он происходит из старинной и уважаемой джалалабадской семьи» [Ibid, pp. 11–12]. Княгиня также известила, что составленный по ее приказу список претендентов был представлен как членам семьи, так и самой принцессе, а также «главным чиновникам» княжества: они остановили свой выбор на Ахмаде Али-хане и удостоверили его подписями и личными печатями; правительница выразила удовлетворение тем, что предпочтение ее дочери и родственников совпало с ее собственным.

И далее: «Я осмелилась обратиться к Вашему превосходительству по данному вопросу, дабы обеспечить согласие и санкцию Вашего превосходительства на данный брак. Я надеюсь на счастье получить ответ Вашего превосходительства, который избавит мой разум от беспокойства, испытываемого в связи с данным вопросом» [Ibid, pp. 14–15]. Затем следует незаконченный, местами оборванный черновик списка претендентов и еще одно письмо от прабабушки невесты, Кудсии-бегам, адресованное княгине и датированное 17 декабря 1872 г., т. е. через несколько месяцев после первого. В нем звучит та же обида: «Я не имею никакого голоса в данном вопросе, кроме выражения наилучших пожеланий членам семьи», а за этим следует предостережение: «выбор жениха не из членов княжеской семьи может вызвать вопросы о наследовании власти, дабы государство, как и прежде, могло пребывать в мире и спокойствии» [Ibid, pp. 29–30].

За этим следует многостраничная таблица с данными обо всех претендентах [Ibid, pp. 31–49], составленная по большей части еще Сикандар-бегам в 1868 г. и впоследствии дополненная по приказу ее дочери. Построена она так: имя отца, имя самого юноши, его возраст, имя деда, клан отца,

⁶ См. подробнее: [Ванина, 2021, с. 392–393].

⁷ На самом деле мирази-кхел были одним из кланов пуштунского племени оракзай. К этому племени принадлежал основатель княжества Бхопал Дост Мухаммад-хан.

⁸ После того, как Индия в 1858 г. перешла под власть британской короны, существовавшая с 1833 г. должность генерал-губернатора Индии стала называться «вице-король и генерал-губернатор в совете».

клан матери и «комментарии». Все рассматривавшиеся кандидатуры были афганского происхождения, многие из того же клана мирази-кхел, к которому принадлежал правящий дом Бхопала. Но наибольший интерес, разумеется, представляют «комментарии»: в них речь идет о внешности, характере, образовании и, снова, происхождении кандидата. Так, у Мияна Фазил Мухаммад-хана мать была «дочерью сипая», а внешность оказалась «непривлекательной». У Нура Мухаммад-хана «бабушка с материнской стороны была проституткой». Такие темные пятна обнаружились у нескольких претендентов. Кстати, наиболее прославленные и богатые гетеры — певицы и танцовщицы — не обслуживали всех подряд клиентов, а становились содержанками аристократов, нередко из княжеских семей. Если гетере удавалось заключить с «покровителем» дозволяемый мусульманским правом «временный брак (*мута*)» на несколько заранее оговоренных лет, дети от подобных браков считались законными [Суворова, 1995, с. 187–188], но, разумеется, непригодными для союзов с высокопоставленными особами. У одного из претендентов, кстати, помимо «непривлекательной внешности», оказалось «незаконное происхождение матери» [Selection, 1872, p. 32].

Некоторые были отвергнуты из-за пусть законного, но скромного (*humble*) происхождения матери. О части кандидатов в «комментариях» указано как о «безобразных», в нескольких случаях добавлено «рожден от рабыни», часто комментарий гласит: «уродливый, но законнорожденный» (у одного из таких юношей еще и «бабушка по матери была проституткой»). Один претендент перенес венерическое заболевание, другой был дважды женат, и жены были живы [Ibid, p. 18]. Кто-то нажил детей от наложницы. Имел значение и уровень образования кандидата: один «сносно» владел персидским, но не знал арабского, что было необходимым для высокородного мусульманина, другой был и вовсе неграмотен, третий «не умел даже написать свое имя». Один претендент был отвергнут как «тупой и ленивый», двое других — из-за того, что родственники живут в Бхопале и занимают низкие посты в армии и администрации [Ibid, pp. 19–20]. Таких кандидатов, кстати, было несколько, и их отвергали, даже если их родственники занимали в княжестве высокие посты: негоже было выдавать принцессу за сына (племянника, кузена и т. п.) служащего, даже высокопоставленного. Нашелся среди юношей и «красивый, рожденный от грузинки (очевидно, рабыни)⁹» [Ibid, p. 33]. Есть тот, кто «красив, но содержит проститутку» [Ibid, p. 38]. У Вакила Мухаммад-хана «отец был повешен во время мятежа¹⁰, джагир¹¹ конфискован, есть сын, живущий в Лахоре». [Ibid, p. 45]. Эти «комментарии» дают понять, какими критериями руководствовалась княгиня (вернее, две княгини, ибо составление списка начала еще Сикандар-бегам): претендент должен был быть молод, хорош собой, здоров, образован, обязательно знатен, причем рассматривались происхождение и благонадежность не только родителей, но и более отдаленной родни, не иметь родственников среди служащих княжества, жен и детей, а также «связей, порочащих его». Важно, что, вопреки традициям, правительница поинтересовалась мнением самой невесты — возможно, потому, что знала о твердом характере девушки: она никогда не вышла бы замуж против воли.

После списка потенциальных кандидатов в папку включены два письма, оба незаконченных (или до конца не сохранившихся). По довольно неряшливому виду обоих можно предположить, что это черновики. Первое является ответом вице-короля на послание Шах-Джахан-бегам, переданное, по ее просьбе, политическим агентом и содержащее все изложенные выше сведения. Оно начинается, как требовала принятая формула обращения вице-короля к правителям 19-салютных княжеств, со слов «мой досточтимый друг»¹². Далее следуют извинения за задержку с ответом,

⁹ См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 140–148].

¹⁰ Имеется в виду Сипайское восстание 1857–1859 гг.

¹¹ *Джагир* — военный лен.

¹² «Туземные государства» делились британским правительством на «салютные» категории, указывавшие, сколькими артиллерийскими выстрелами надлежало приветствовать данного князя на британской территории. К высшей

и документ обрывается на фразе: «Есть соображения, которые заставляют меня считать, что для государства Бхопал будет огромным преимуществом, если возможно будет организовать...» [Selec-tion, 1872, p. 30].

Что имел в виду вице-король, можно легко выяснить из мемуаров самой невесты, Султан-Джахан-бегам, опубликованных в 1912 г., через сорок лет после описываемых событий. Лорда Норт-брука тревожило то, что избранный кандидат не принадлежал к правящей семье Бхопала, и это, по мнению вице-короля, могло вызвать конфликт (хотя, как свидетельствует история княжества, главным очагом конфликтов была сама правящая семья). Вице-король, согласно мемуарам, поручил полковнику Уотсону, исполнявшему обязанности агента генерал-губернатора в Центральной Индии, посетить Бхопал и убедиться, что избранная кандидатура действительно согласована с членами княжеской семьи и самой принцессой. Именно эти инструкции и содержит второй черновик, также оборванный. Их подписи и печати, которыми, как сообщила княгиня в письме вице-королю, они подтвердили свое согласие, видимо, не удовлетворили английских чиновников, привыкших не верить «лживым туземцам». Полковник Уотсон посетил Бхопал с разрешения правительницы, встретился с принцессой, и она из-за *парды*¹³ ответила на его вопрос о добровольном желании вступить в брак с Ахмадом Али-ханом кратким «да». В мемуарах также сообщается, что со времени переезда юноши в Бхопал, в течение четырех лет, они с наследницей постоянно общались, учились, играли и ели вместе, так что между ними возникла если не любовь, то дружеская симпатия, и согласие девушки на самом деле было добровольным.

В конце концов официальное согласие вице-короля было получено, хотя по его тону ощущалось, что данный брак, поскольку жених не принадлежал к правящей семье, был не вполне желательным, но поскольку выбор был сделан и опирался на согласие самой невесты, оставалось надеяться, писал вице-король, «что Ахмад Али-хан своей мудростью, образованностью, манерами и привычками покажет себя достойным того высокого положения, которое он будет занимать как супруг наследницы престола государства Бхопал, и поведет себя так, чтобы обеспечить ее привязанность и уважение, ибо мое согласие обусловлено исключительно тем, что столь важный шаг ею полностью одобрен» [Sultan-Jahan, 1912, pp. 45–53]. 12 октября состоялась помолвка, но свадьба, согласно приказу княгини, могла быть назначена только на следующий год, «дабы проверить и взвесить» характер избранного кандидата.

Это было явно инициировано Сиддиком Хасан-ханом, коему мемуаристка приписывает враждебные замыслы, и позволило ему, по сути дела, посадить молодого человека под домашний арест. Его апартаменты были взяты под охрану, никто не имел права посещать его, равно как и сам он не мог покидать дворец без особого разрешения. По мнению Султан Джахан-бегам, целью ее ненавистного отчима было спровоцировать жениха, вызвать у него вспышку гнева и возмущения, что могло бы расстроить брак. Однако Ахмад Али-хан не поддался и перенес оскорбительную изоляцию, согласно мемуарам, «с таким невероятным терпением, что даже враги не могли найти ни одного пятнышка в его поведении. Все возможное было сделано, чтобы обидеть и спровоцировать его, но он ни разу не потерял самообладания и за время испытания проявил гораздо больше такта и мудрости, чем предполагал его возраст. Судьба предназначила Ахмада Али-хана мне в мужья, и все махинации Сиддика Хасан-хана и его друзей не могли изменить ее воли» [Ibid, p. 53]. Наконец 1 февраля 1874 г. свадьба была сыграна со всей княжеской пышностью. Вице-король, находившийся

категории относились 21-салютные княжества (Хайдарабад, Майсур, Джамму и Кашмир, Барода и Гвалиор). Бхопал принадлежал ко второй категории — 19-салютным княжествам. Этому же соответствовала иерархия обращений к князьям вице-короля в официальной переписке. См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 84–85, 191].

¹³ *Парда* — занавес, разделяющий женскую и мужскую половины мусульманского дома. Могла быть переносной рамой с тканью или ширмой. Только из-за *парды* мусульманка могла общаться с посторонними мужчинами. Термин также употребляется для обозначений традиции женского затворничества в целом.

«в поездке», не смог присутствовать, но политический агент с супругой стали почетными гостями и даже прибыли в Бхопал заранее, «чтобы помочь с приемом европейских гостей».

Брак оказался счастливым; Султан-Джахан-бегам родила трех сыновей и двух дочерей. В 1901 г., после смерти матери, она взошла на престол, а через 6 месяцев после коронации ее супруг скоропостижно скончался из-за сердечного тромба. Княгиня тяжело перенесла потерю человека, всегда бывшего для нее опорой и верным другом [Ibid, pp. 223–237]. Один из княжеских дворцов в Бхопале был переименован по ее приказу в «Ахмадабад» в честь покойного супруга.

«С ведома и одобрения правительства Индии»

Документы, представленные в данной архивной папке, не являются ни единственным, ни первым по времени случаем вмешательства британских властей в семейные дела правителей Бхопала. Еще в 1819 г., после трагической гибели мужа, Кудсия-бегам стала правительницей-регентшей при малолетней дочери Сикандар, которую предполагалось выдать замуж за кузена, чтобы примирить две враждующие ветви княжеской семьи. Брак не состоялся: жених с отцом, смертельно ненавидевшие семью невесты, подняли в 1827 г. мятеж, с трудом подавленный правительницей. Тогда Сикандар была объявлена невестой его младшего брата Джахангира. Кудсия-бегам была категорически против, но английский резидент в княжестве, Л. Уилкинсон, грубым давлением и шантажом заставил ее согласиться на брак и отречься от престола в пользу зятя. Такая позиция резидента была вызвана, во-первых, его неприятием самой возможности женского правления, а во-вторых — «дружбой» с семьей жениха, скрепленной дорогими подарками, роскошными пирами и охотами¹⁴.

Далее, в 1871 г., Шах-Джахан-бегам, взошедшая на престол вдовой после смерти матери (1868), пожелала выйти замуж за своего давнего фаворита, Сиддика Хасан-хана. Для этого ей также понадобилось согласие британских властей, и в отчете индийскому правительству она даже написала, что идея данного союза была подсказана ей полковником Томпсоном, политическим агентом в Бхопале, а также полковником Мидом, агентом генерал-губернатора. Княгиня в данном случае, видимо, лукавила, потому что британские чиновники согласились на брак лишь после того, как Сиддик Хасан-хан распустил слух (ложный) о ее беременности¹⁵. В 1880 г. английским властям пришлось предпринимать усилия для разрешения конфликта между Шах-Джахан-бегам и ее престарелой бабушкой, Кудсией-бегам, которая относилась враждебно к новому браку внучки, и княгиня жаловалась британским властям на «плохое управление» престарелой дамой ее поместьями явно по наущению Сиддика Хасана, мечтавшего прибрать к рукам богатые земли. Ответом было письмо вице-короля лорда Рипона: он посоветовал княгине оставить 80-летнюю родственницу в покое, но покой экс-княгиня обрела только после смерти, последовавшей вскоре после описываемых событий. За этим случился еще один семейный конфликт, и его колониальная администрация безуспешно пыталась уладить: на этот раз между Шах-Джахан-бегам и ее дочерью, той самой принцессой, для которой княгиня искала жениха. Султан-Джахан-бегам и ее супруг, Ахмад Али-хан, также не приняли отчима, и правительница обвинила дочь с зятем в интригах против ее мужа, приведших к лишению Сиддика Хасан-хана власти. Занимавший в то время пост AGG сэр Лепел Гриффин встречался с принцессой и ее мужем вопреки запрету княгини и не только не пытался погасить семейный конфликт, но и активно провоцировал его. Гриффин вмешивался в жизнь княжеской семьи Бхопала столь беспардонно, что это вызвало специальный запрос в британском парламенте, но на карьеру чиновника никак не повлияло¹⁶.

¹⁴ См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 51–54].

¹⁵ Там же, с. 59–60.

¹⁶ См. подробнее: [Там же, с. 60–65].

В 1924 г. Султан-Джахан-бегам лишилась старшего и среднего сына, скончавшихся от разных болезней один за другим. Тяжело пережившая утрату правительница решила объявить наследником младшего сына, Хамидуллу, и отречься от престола в его пользу. Вопрос о престолонаследии, несомненно, относился к внутренним делам княжества и правившей им семьи. Однако британское правительство снова пренебрегло этим и заявило, что поскольку средний сын, Обайдулла-хан, скончался в ранге наследника, престол должен перейти не к его младшему брату, как желала княгиня, а к сыну. Султан-Джахан-бегам пришлось лично отправиться в Лондон и решать вопрос на высшем уровне, включая премьер-министра и короля, что после долгих усилий и принесло желанный результат: в 1926 г. Хамидулла-хан вступил на престол, став последним правителем Бхопала.

Что заставляло британскую администрацию контролировать семейную жизнь князей и постоянно вмешиваться в нее? Прежде всего, конечно, вполне понятное стремление избежать внутрисемейных конфликтов, особенно борьбы за престол. Подобные случаи были не редкостью во всех «туземных государствах», включая и сам Бхопал. Не менее важным было то, что подобное вмешательство вполне вписывалось в концепцию «цивилизаторской миссии» англичан в Индии, и в своем кругу британские колониальные чиновники часто сравнивали индийских князей со школьниками, нуждающимися в постоянном контроле, а себя — с учителями, которые обязаны научить детей приличному поведению, при необходимости наказывая их или награждая [Ванина, 2024, с. 168–169]. Однако не менее, а может быть, и более интересен другой вопрос: что заставило правительницу Бхопала обращаться к английским чиновникам по чисто семейному делу? Причем не только просить разрешения на брак дочери с Ахмадом Али-ханом, но еще и направлять сведения о других претендентах, поясняя, почему эти кандидаты оказались неприемлемыми. И с огромным напряжением ждать ответа вице-короля, а поскольку он задерживался (и пришел только через три месяца, что лорд Нортбрук объяснил «занятостью»), направлять политическому агенту тревожное письмо: «Мое нетерпение в ожидании ответа его превосходительства генерал-губернатора по поводу брака моей дочери... должно послужить извинением за то, что я снова беспокою Вас по этому вопросу. Пожалуйста, дайте мне знать, было ли мое письмо отослано и когда, и если оно все еще у Вас, умоляю, отправьте его как можно скорее и сообщите мне об этом в тот же день» [Sultan-Jahan, 1912, p. 39].

Повествуя о бракосочетании своих родителей, Султан-Джахан-бегам сочла необходимым указать, что оно состоялось «с ведома и одобрения правительства Индии» [Sultan Jahan, 1912, p. 34]. Таким образом, создается впечатление, что традиция британского вмешательства во внутренние дела бхопальской княжеской семьи была укоренена прочно. Но что особо важно в данном контексте, инициатива обращения к британским властям за одобрением матримониальных планов в данном случае принадлежала самой правительнице Бхопала, ибо в документах нигде нет ни малейшей ссылки на то, что письмо и «каталог женихов» были направлены лорду Нортбруку по его распоряжению или по запросу (устно или письменно выраженному) кого-то из его подчиненных. Если обращение княжеской семьи к британским властям за разрешением на брак было установившейся практикой, то, насколько известно, никто не посвящал сахибов в «кухню» выбора жениха, не обрушивал на них информацию о происхождении, характере и особенностях каждого претендента, не обосновывал таким образом свое решение отвергнуть ту или иную кандидатуру.

Обсуждать эти детали, согласно общей для князей и простолюдинов традиции, Шах Джахан-бегам должна была с членами семьи (что и было сделано, причем у каждого были взяты подпись и печать, удостоверяющие согласие с кандидатурой Ахмада Али-хана), но прежде всего — со старшей в роде, восьмидесятилетней бабушкой матери и прабабушкой дочери Кудсией-бегам. В том, что княгиня пренебрегла данной традицией, привлекает внимание не только явно выраженная враждебность к матриарху, но и контраст: в детали семейного дела правительница посвятила не старейшину

рода, а британскую администрацию, которую попросила не только одобрить брак, но и изучить каталог для подтверждения правильности выбора.

Колониализм традиционно воспринимают как систему экономической эксплуатации и военно-политического подчинения западными державами восточных обществ, что не вызывает сомнения. Но гораздо реже предметом изучения становится специфическая колониальная ментальность, вырабатывавшаяся как у белых господ, так и у туземцев. В первом случае это было намертво вбитое в сознание представление о цивилизационном и нравственном превосходстве европейцев над извечно отсталыми, дикими и аморальными туземцами, об абсолютном, санкционированном самим Богом праве колонизаторов извлекать из покоренного народа доход, управлять им, «улучшать» его жизнь в соответствии с европейскими представлениями, «школить» и воспитывать его как малых детей. Во втором — не менее прочно утвержденное в мировоззрении туземцев отношение к белым господам как к недостижимо высокой по статусу расе или касте, как к представителям высшей цивилизации, построившей для себя рай на земле и теперь милосердно пытающейся подтянуть к райским высотам местный народ, зачастую неблагодарный и не способный оценить своего счастья.

Князья, воплощавшие индийскую аристократию и наделенные, в соответствии с субсидиарными договорами, всеми правами суверенных монархов (за исключением права войны и заключения союзов с другими державами), боялись белых сахибов, пожалуй, не меньше, а больше простолудинов, многие из которых проживали жизнь, так и не встретившись с англичанином. С неудобными князьями британские власти не церемонились, лишая их трона по любому поводу, реальному или надуманному, что подробно исследовано австралийским индологом Фионой Гроенхаут [Groenhaut, 2010]. В этом случае конфликты в правящих семьях оказывались британцам на руку: они всегда могли найти и посадить на трон вместо провинившегося князя кого-либо из его родичей-соперников. Противоречие подобной практики духу и букве субсидиарных договоров не беспокоило не только британцев, но и самих князей, привыкших поколениями жить под сенью английской короны и не мысливших себя сколько-нибудь самостоятельными.

Система взаимоотношений Британской империи и «туземных государств» парадоксальным образом строилась, как мне уже довелось писать¹⁷, на типично феодальной системе вассалитета, во многом заимствованной британцами у предшественников — империи Великих Моголов. Согласно средневековой традиции сюзерен был для вассала не просто государем, но и чем-то вроде старейшины рода, наделенного правом решать судьбы членов семьи. Это же распространялось на взаимоотношения простого народа и правящих кругов вообще. Не случайно возникла традиция, которую ряд исследователей возводят еще к могольским временам (хотя мне в могольских источниках она не встречалась), обращаться к британским чиновникам, даже не самого высокого ранга, а также к начальству из числа индийцев — «мать и отец» (*māibāp*) [Ghosh and Ray, 2020, p. 153]. Это позиционировало власть имущих как «родителей», строгих, но справедливых, наказывающих и награждающих по заслугам, а главное — всегда заботящихся о благе детей, т. е. народа.

С британской стороны колониальные власти, похоже, не слишком стремились придавать своим отношениям с «туземными князьями» семейно-патриархальный характер, поскольку в обязанности патриарха входило не только судить, решать, награждать и наказывать, но и жалеть, помогать, прощать ошибки. Индийские князья были для англичан не членами семьи, но представителями низшей расы, и расизм, как известно, был важнейшей составляющей английской колониальной политики и идеологии. Поэтому эмоциональный фон англо-индийских отношений в колониальные времена включал в свою политику холодную официальность переписки, заученные комплименты публичных речей, формульные, четко расписанные по рангам адресатов приветствия типа «мой

¹⁷ См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 153–209].

досточтимый друг» и лишь изредка допускал выражение столь же официальной скорби в соболезнованиях по случаю кончины того или иного правителя. Что касается князей, и это очень хорошо видно по документам из Бхопала, они исключительно высоко ценили каждое подобное проявление «родительских» или «дружеских» чувств со стороны сахибов и рассматривали последних, прежде всего вице-короля, как отца; сравнение же королевы Виктории с матерью было общим местом. Увы, они не понимали или не хотели понимать, что родственник, пусть младший, подчиненный, и распоряжающийся им старейшина — несмотря на различия в статусе, все же принадлежит к одной семье, чего британский расизм в отношении индийцев не допускал, и, читая в архивных материалах, сколь пренебрежительным и порой издевательским было отношение сахибов к туземным князьям, как британцы хвалили их за роскошный прием, а потом высмеивали его в переписке с себе подобными, я нередко жалею, что эти наполненные ядовитой иронией строки не были прочитаны индийскими правителями, видевшими в сахибах «мать и отца».

Обращаясь к лорду Нортбруку с обоснованием своего решения и просьбой санкционировать брак дочери, Шах-Джахан-бегам не просто докладывала сюзерену — она выполняла роль младшего родственника перед старшим, и вице-король, как прямой представитель британской королевы, заменил старейшину ее собственного рода, матриарха, которого она сочла нужным поставить в известность о женихе для правнучки лишь постфактум. Здесь четко отражается не только личный конфликт, но и колониальная ментальность, привычка решать даже семейные дела с одобрения британской власти, подспудный страх навлечь ее гнев ошибочным выбором, стремление узаконить и даже «освятить» брак принцессы волей вице-короля, возносимого на пьедестал «отца и матери», главы рода, благоволение коего выше всех семейных уз.

Литература / References

Ванина Е. Ю. Дворцовые страсти и дамы у власти (бхопальский этюд). И. П. Глушкова (рук. проекта, отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость. Введение в стандарты и практики эмоций*. М.: ИДВ РАН — Восточная литература, 2021. С. 379–406 [E. Yu. Vanina. Palace Passions and Empowered Ladies (a Bhopal Etude). I. P. Glushkova (head of the project, volume editor). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride. The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow: IDV RAN, Vostochnaya literatura, 2021. Pp. 379–406 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. *Бхопал: «туземное государство» в колониальной Индии*. М.: ИВ РАН, 2024 [Vanina E. Yu. *Bhopal: a 'Native State' in Colonial India*. Moscow: IV RAN, 2024 (in Russian)].

Суворова А. А. *Ностальгия по Лакхнау*. М.: ИВ РАН, 1995 [Suvorova A. A. *The Lucknow Nostalgia*. Moscow: IV RAN, 1995 (in Russian)].

Aitchison C. U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Related to India and Neighbouring Countries*. Vol. IV. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, India, 1893.

Ghosh P. and Ray Debraj. Mai Baap Sarkaar (Māīm Bāp Sarkār). *Keywords for India. A Conceptual Lexicon for the 21st Century*. Ed. by Rukmini Bhaya Nair and Peter Ronald DeSouza. London — New York: Bloomsbury Academic, 2020. Pp. 153–154.

Groenhout Fiona. Loyal Feudatories or Depraved Despots? The Deposition of Princes in the Central Indian Agency, c. 1880–1947. Ernst Waltraud and Pati Bishwamoy. (eds.). *India's Princely States: People, Princes and Colonialism*. London: Routledge, 2010. Pp. 99–117.

Selection of Ahmad Ali Khan of Jalalabad as Consort for the Sultan Jehan Begam 1872–1873. National Archives of India. Bhopal Agency. Branch General. File no. Progs. Nos. 1, 1872.

[Sultan Jahan Begum]. *An Account of My Life (Gohur-i-Ikbal)*. Vol. I. Tr. H. C. Paine. London: Murray, 1912.

[Sultan Jahan Begum]. *Hayat-i Qudsī. Life of the Nawab Gauhar Begum Alias The Nawab Begum Qudsia*. Tr. by W. S. Davis. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1918.